

**Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьева-Амурского**

Сектор периодики

СИМВОЛЫ НОВОГО ГОДА

Информационно-справочные материалы

Благовещенск 2012

Символы Нового года : информ.-справ. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2012. – 45 с.

Составитель : В.В. Соломенник

Ответственный за выпуск : Н.Г. Долгорук

Верстка и дизайн : Г.С. Жданова

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

*«В морозы! В морозы!
На белой берёзе
Вдруг расцвели
Две белые розы!
Одна – для Снегурочки-роза,
Другая – для Деда Мороза».*
В.В. Ланцетти. «Зимние розы».

Новогодний праздник входит в нашу жизнь в раннем детстве. Окруженный магическим ореолом доброго веселья, сказочной загадочности, приятных сюрпризов, надежд, он остается на всю жизнь любимейшим и у многих взрослых. Но именно детские впечатления от чудесной нарядной елки, Деда Мороза и Снегурочки и их подарков бережно хранятся в светлом ларце памяти каждого человека.

В наши дни Дед Мороз и Снегурочка являются любимцами всех детей. Они с нетерпением ожидают заветного момента, когда главные новогодние герои войдут в дом, зажгут красочно наряженную елочку и одарят всех долгожданными подарками. 30 января считается днем Деда Мороза и Снегурочки.

Новогодняя елка, Дед Мороз и Снегурочка, новогодняя песенка, новогодние подарки... Кажется, что они были всегда. Но все ли знают, как и где родился обычай ставить в доме наряженную елку, и когда он появился в России? Откуда к нам пришел Дед Мороз? Почему его внучкой считается именно Снегурочка? Почему главной новогодней песней является «В лесу родилась Елочка...»? и др.

Получить ответы на эти вопросы помогут данные информационно-справочные материалы. Вы узнаете о происхождении Деда Мороза и Снегурочки, о том, как и где родился обычай ставить в доме елку, и когда он пришел в Россию, как праздновали Рождество и встречу Нового года наши предки, чем они украшали елку, как мастерили елочные игрушки, какие подарки дарили детям, как с елкой пытались бороться, и как елка одержала победу, оставшись любимицей детей и взрослых, познакомитесь с удивительной историей главной песни о елке «В лесу родилась Елочка...» и ее автором. В сборник также включен сценарий новогоднего праздника.

Представленные материалы, созданные на основе мемуарных, исторических и литературных источников, адресованы широкому кругу читателей.

ДЕД МОРОЗ

*В гости к нам пришел
Дедушка Мороз
И чего-чего
Только не принес!*
М.П. Дильбази. «Дед Мороз».

Предшественником Деда Мороза, ставшего символом Нового года, праздника совсем не религиозного, был христианский святой Николай. В Германии исстари отмечался день святого Николая – покровителя детей. По легенде, он посещал дома и вручал подарки тем, кто, по мнению родителей, вел себя хорошо. Естественно, дети с нетерпением ожидали этого праздника. С вечера ребята оставляли на подоконниках тарелки или ставили башмачки поближе к печке – считалось, что святой появляется через форточку или через дымоход.

Обычно святого Николая, или Санта Клауса, изображали добродушным старичком в епископском одеянии и с мешком за спиной.

Легенда гласит, что прообразом современного Деда Мороза стал Николай, архиепископ Миры Ликийской, города на юге Малой Азии (ныне турецкий город Демре). Святой Николай родился в третьем веке в богатом портовом городе Патара, где жили его весьма состоятельные родители. Он был еще совсем молодым человеком, когда его назначили епископом, и поселился в городе Мира (иногда произносят Мир). Если верить житиям святых, епископ скончался 6 декабря (этот день отмечается по христианскому календарю) 310 или 312 года, став жертвой преследований римского императора Диоклетиана.

Очень скоро святой Николай превратился в популярного и всеми признанного святого. Начиная с XI века, он уже слывет одним из

самых известных чудотворцев и покровителей верующих. В Мире утверждают, то что источает его гробница, может вернуть зрение слепым, исцелить самых безнадежных больных, срastить самые немислимые переломы.

Славят святого Николая и за то, что он не оставляет без помощи тех, кто страдает от голода и других лишений. В этих случаях он является как избавитель. Епископ Николай, получивший от своих родителей огромное состояние и размышлявший, как использовать его во славу Господа, подбросил в дом бедняка три набитых золотом кошелька. Существуют варианты легенды, по которым святой подбросил три кошелька через дымоход, и они попали в чулки или башмаки, оставленные сушиться у очага. Так святой Николай появляется впервые в роли Деда Мороза. Знаменитым святой Николай стал еще и потому, что он покровительствовал похищенным или погубленным детям. Таких детей он или отыскивал, или возвращал к жизни. Со временем он стал святым покровителем детей, одаривая послушных и наказывая шалунов.

По легенде, Николай Мирликийский (в России его называли Николаем Угодником) сходил на землю 6 декабря (19 декабря по новому стилю) в сопровождении своего служки Петра и разъезжал по всему свету на белоснежном коне. Однажды во время рождественского посещения святой Николай выронил несколько монет, которые, скатившись по дымоходу одного из домов, попали в сушившийся у камина детский чулок. Отсюда ведет свое начало европейский обычай подвешивать в новогоднюю ночь детские чулки и ставить у камина, печи или трубы обувь.

Трансформация образа святого Николая, или, как его называют до сих пор на Руси, Николая Чудотворца, в образ доброго рождественского деда, который одаривает подарками взрослых и детей, началась в Германии в конце XVIII века и затем распространилась по странам, где господствовала протестантская церковь.

У рождественского деда множество имен: святой Николай, Николаус, Микалаус, Санта Клаус. Санта Клаус высокого роста, седобородый, одет в красную шапку и длинную красную сутану, отороченную белым мехом. Обычно едет на белом коне.

Американский Санта Клаус – озорной дед с толстым брюшком, в красной шапке и красной кургузой шубейке. Ездит по свету в оленьей упряжке, раскладывая подарки в детские башмачки и чулки, оставленные у камина. Известна почти точная дата его рождения – конец 1822 года. Тогда житель Нью-Йорка Клемент Кларк Мур напи-

сал серию сказок о Санта Клаусе. Он первым переложил народное поверье на стихи и создал словесный портрет Санта Клауса, взяв за прототип круглого, как шар, жизнерадостного голландца, который выполнял у Мура разные работы по дому. Клемент Кларк Мур придумал и способ попадания рождественского деда в дом через дымоход. Портрет же Санта Клауса выполнил в 1862 году молодой художник Томас Наст.

Весьма интересна история русского Деда Мороза. Еще в языческие времена силы природы на Руси наделяли своими именами: Красное Солнышко, Ясный Месяц, Ветер-ветрило и т. д. Не был обойден вниманием и повелитель холода бурана и метели – мороз. В сказаниях и былинах его называют Мороз, Морозко или Морозович. Считалось, что Мороз бродит по лесам и стучит своим могучим посохом, отчего в этих местах начинаются трескучие морозы; проносится по улицам, отчего на окнах появляются незамысловатые снежно-морозные рисунки.

Наши предки представляли себе Мороза стариком с длинной седой бородой, с помощью которой можно было закрутить вьюгу, пургу. В то время новогодние подарки не являлись главной задачей Мороза. Считалось, что всю зиму с ноября по март у Мороза много дел, он несет свой дозор по лесам и полям, помогает растениям и животным приспособиться к суровой студенной зиме.

Особенно много прообразов Деда Мороза встречается в русских народных сказках: это и Морозко, и Мороз Иванович, и Дед Студенец. Однако эти персонажи были не связаны с празднованием Нового года. Основная их забота – помогать природе и людям. Достаточно вспомнить замечательную сказку С.Я. Маршака «Двенадцать месяцев». В 1840 году были опубликованы «Детские сказки дедушки Ирины», в одной из которых, а именно «Мороз Иванович», впервые дана литературная обработка фольклорного и обрядового Мороза. В литературе образ Мороза мифологизируется по двум направлениям. С одной стороны, согласно поэме Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» (1863), где Мороз представлен злой силой, любящей «кровь вымораживать в жилах, / И мозг в голове леденить». Он изображается как зловредный атмосферный дух, которому приписывается способность оказывать пагубное воздействие на человека.

С другой стороны, преимущественно в поэзии для детей, зарождается его положительный двойник, главной функцией которого становится формирование «здоровой» погоды и сотворение зимних «волшебств»,

предоставляющим и детям, и взрослым веселиться, развлекаться.

Когда Петр I ввел новую дату празднования Нового года, и в Россию стали проникать европейские обычаи, связанные с этим праздником, постепенно начал складываться и образ доброго, а для нерадивых детей строгого, розовощекого старика, приносящего новогодние подарки. Безусловно, этому очень способствовал и распространенный в Европе у многих народов вполне реальный персонаж – святой Николай, который в день своего праздника – 6 декабря, а по новому стилю 19 декабря – также одаривал подарками детей и взрослых.

Попав на русскую почву, образ святого Николая – Санта Клауса слился с образом Мороза Морозовича и постепенно превратился во всем нам хорошо известного Деда Мороза.

Персонаж, которому дети были обязаны елкой и подарками, выступал под разными именами. Процесс унификации имени растягивается в России на несколько десятилетий: *старый Рупрехт* (1861), *св. Николай или Дедушка Николай* (1870), *Санта Клаус* (1914), *старик, живущий зимой в лесу* (1894), *добрый Морозко* (1886), *Мороз* (1890-е годы), *Елkich* (1911), *святочный старик, дед, дедка, елочный дед, Дед/Дедушка Мороз*.

Русская поэзия, столь часто, с чувством национальной гордости, описывающая русскую зиму, начиная с М.В. Ломоносова и заканчивая современными поэтами, развивала и обогащала фольклорный образ Мороза. Лучшие тексты русских поэтов о зиме, вьюге, снежинках, морозе формировали и формируют в детском сознании персонафицированные образы природных стихий, среди которых Мороз занимал одно из первых мест.

В 1914 году Сергей Есенин написал стихотворение «Сиротка» в котором девочке-сиротке Маше дедушка Мороз дарит жемчуг, сделанный из ее слез:

*Я в награду твои слезы
Заморозил в жемчуга.
Я ведь, Маша, очень добрый,
Я ведь дедушка-мороз.*

В борьбе за имя победителем оказался Дед Мороз. Аналога этому имени нет ни у одного западного елочного персонажа. В восточнославянской мифологии Мороз – существо уважаемое, но и опасное: чтобы не вызвать его гнев, обращаться с ним следует осторожно.

Прося не губить урожай, его задабривали, им пугали детей. Но

наряду с этим он выступал и в функции приходящего в Сочельник Деда (умершего родителя, предка). Елочный персонаж тем самым получил синонимически удвоенное имя. Введение в составную его часть термина родства свидетельствует об отношении к Деду Морозу как к старшему в роде, что, возможно, и спровоцировало признание за ним по-родственному близкой его связи с детьми.

На праздниках елки Дед Мороз появляется не сразу, а в середине или даже к концу торжества. До его прихода дети подарков не получают. Они с нетерпением ожидают его прихода. По народным представлениям, любой гость – всегда желанный и должен быть объектом почитания как представитель чужого мира. Так и Дед Мороз становится на елке желанным, и его следует пригласить, что вполне соответствует ритуалу приглашения в гости мифологических персонажей – предков или того же фольклорного Деда Мороза. Дед Мороз, по существу, и становится предком-дарителем. Поэтому и зовут его не старичком или стариком, а дедом или дедушкой.

К началу XX века образ Деда Мороза окончательно оформился: он функционирует как игрушка на елке, главная фигура, стоящая под елкой, рекламная кукла на витринах, персонаж детской литературы, как маскарадная маска, даритель елки и подарков. Определяющими свойствами характера Деда Мороза являются доброта и щедрость: елочный миф превратил его в доброго старика-дарителя. Перед Рождеством или Новым годом он успевает обойти все дома, чтобы поздравить, одарить и обласкать детей. Выполняя функцию наставника и воспитателя, он никогда не наказывает детей, а только журит их.

В мифе о Деду Морозе, созданном общими усилиями взрослых, присутствовал расчет на безусловное признание детьми его реального существования, что стимулировалось и поддерживалось родителями. Вера в Деда Мороза превратилась в «испытание на взрослость»: ее утрата рассматривалась как важный этап взросления. Корней Чуковский в 1923 году писал о своей семилетней дочери: «Мура все еще свято верит, что елку ей приносит дед Мороз. Когда я ей сказал: давай купим елку у мужика, она ответила: зачем? Ведь нам бесплатно принесет дед Мороз».

Знакомый по иконографии (словесным описаниям и рисункам в книжках елочным игрушкам, рекламным фигурам и т.п.) Дед Мороз в сознании детей долгое время существовал как образ чисто умозрительный. Встреча с визуально воспринимаемой фигурой, когда в 1910-е годы он «живьем» стал появляться на елках, разрешала детские сомнения в действительном его существовании. Е.Л. Мадлевская от-

мечает, что в некоторых семьях «сознательно поддерживается архаическая версия невидимости Деда Мороза: детям, же лающим увидеть, как он будет класть подарки под елку, внушают, что это невозможно, так как Дед Мороз проявляется лишь тогда, когда никого нет в комнате или когда все спят».

После революции эмигранты «увозили» образ Деда Мороза с собой. Подобно елке, он сохранялся в их памяти как одна из вечных ценностей. Один из них, К.К. Парчевский писал: «Дед Мороз не сказка, иногда это подлинная реальность: бескорыстно творимое добро. Оно принимает разное обличье». Добрый Дед Мороз, живущий в зимнем лесу, – один из самых молодых героев русских сказок. Время его рождения – девятнадцатое столетие. Именно тогда в России закрепился обычай дарить детям в новогоднюю ночь подарки, принесенные дедом Морозом.

Русский Дед Мороз – властитель холода, снега, вьюги и ветров – носит теплые валенки и теплую красную шубу, отороченную белым мехом. В новогоднюю ночь Дед Мороз вместе со своей помощницей Снегурочкой одаривает всех детишек новогодними сюрпризами. Известно, что среди детей очень распространено написание «писем Деду Морозу», в которых они обещают хорошо себя вести, и просят у Деда Мороза то, что им хочется в данный момент больше всего.

В каждой стране считают, что Дед Мороз живет именно у них. Совсем недавно, а именно в 1999 году, наш Дед Мороз поселился в городе Великий Устюг, которому насчитывается 800 лет. Согласно вологодским преданиям, жил Иван – крестьянский сын, любивший дарить детям подарки, за что и был прозван Дедом Морозом, в селе Морозовица близ Великого Устюга – оттого-то город этот и стал на весь мир известной русской родиной Деда Мороза. Великий Устюг, таким образом, официально назван родиной российского Деда Мороза. Стоит этот город на левом берегу реки Сухоны, против впадения в нее реки Юг. День рождения русского Деда Мороза официально отмечается 18 ноября. Дату рождения Деда Мороза придумали сами дети, поскольку именно 18 ноября на его вотчине – в Великом Устюге – в свои права вступает настоящая зима и ударяют сильные морозы.

На Новый год приезжает Дед Мороз со Снегурочкой в Москву, в усадьбу Кузьминки, где по соседству в старинном парке стоит дом-музей писателя Константина Георгиевича Паустовского, прекрасно писавшего о русской зимней природе.

По решению ЮНЕСКО всемирной родиной Деда Мороза объявлена Лапландия – та самая, куда скачет на Северном Олене андерсеновская Герда в поисках Кая, похищенного Снежной королевой

В ноябре 2000 года финский Санта Клаус встретился с российским Дедом Морозом на его родине – в Великом Устюге. После чего наш Дед Мороз нанес ответный визит в Лапландию. Два зимних волшебника подписали соглашение о взаимном сотрудничестве на благо всех детей мира.

Как и полагается официальному лицу, в резиденции Деда Мороза есть его рабочий кабинет, где он принимает гостей, знакомится с письмами и изучает желания детей. На стенах кабинета – фотографии, изображающие встречу Деда Мороза и Санта Клауса в Великом Устюге, на резной этажерке – фотографии с гостями, буклеты, проспекты, посвященные резиденции, и берестяная книга пожеланий, сделанная мастерами Великого Устюга специально для Деда Мороза. В конференц-зале Деда Мороза по-зимнему украшен стол, в приемной разместились секретарь. Одной из достопримечательностей резиденции является библиотека. На резной купол крыльца установлен мощный зенитный прожектор, и теперь за 10 километров от лесной резиденции видно, как расцветчивает он своими лучами вершины деревьев и ночное небо. Не так давно в хозяйстве Деда Мороза появились два оленя – Чук и Гек.

У Деда Мороза, получающего более ста тысяч писем в год, есть свое почтовое отделение. Русский Дед Мороз всегда ждет писем от ребят по адресу: 162390, Россия, Вологодская область, город Великий Устюг, дом Деда Мороза.

В разных странах Дедов Морозов называют по-разному.

На Алтае – Соок-Таадак; в Беларуси – Зюзя или Дед Мороз. В Витебской области в Поставском районе, у деревни Прудники, в Стародворском лесничестве открыта усадьба Зюзи Позерского – древне-белорусского бога холода и мороза, Зюзя одет в кожух, в руках держит булаву и ходит с непокрытой головой и босиком. В Болгарии – Дядо Коледа (имя происходит от древнеславянского божества и праздника зимнего солнцестояния, позднее праздник совместился с христианским Рождеством). В Бразилии – Папай Ноэль. Венгрии, Чехии, Словакии – Микулаш (носит подарки в заплечном коробе, ходит по гостям в сопровождении ангела и чертенка); на Гавайях – Канакалока. В Германии – Вайнахтсман. Чтобы навестить каждую семью, ему приходится совершать 340 посещений в секунду, у него в распоряжении 2,9 миллисекунды, чтобы запрыгнуть в дымовую тру-

бу, разложить под елкой подарки, выпить, закусить и выпрыгнуть через трубу, видимо, поэтому он теперь чаще стал приезжать на быстроногих оленях, а не на ослике, как в старину.

Имя Дед Мороза в Греции - Святой Василий; в Италии - Баббо Натале. В Казахстане - Аяз-ата; в Калмыкии - Зул; в Камбодже - Дед Жар; в Карелии - Паккайне, отличительная черта которого - юный возраст. В Китае - Шэн Дань Лаожень. В Нидерландах - Сандер Клаас (приплывает к детям на пароходе в сопровождении темных слуг). В Норвегии - Юлениссен. В Польше - Святой Николай; в Румынии - Мош Джарилэ; в Сербии, Хорватии - Дэда Мраз. В США - Санта Клаус (особенности - толстое брюшко, обязательно обтянутое кожаным поясом, и дымящая трубка во рту). В Турции - Ноэль баба (покровительствует похищенным и потерянным детям). В Узбекистане - Кор Бобо. На Украине - Дид Мороз. В Финляндии - Йоулупукки («рождественский дед» или «рождественский козел»). Название произошло из-за козлиных шуб, в которые в старину одевались финские крестьяне, чтобы разнести подарки по домам, отличительная особенность - обязательные очки, живет на горе Корватунтури (Горуши) не то в избушке, не то в самой горе, вместе с ним проживает супруга Мария и гномы. Во Франции - Пьер Ноэль. В Швеции - Крисе Крингл (Юлниссан, Юль Томтен, Йелотомтен) (в скандинавском фольклоре Рождественский домовый иногда появляется верхом на козле). В Якутии - Дед Дыыл (живет с женой Кыхын Хотун, которая родила ему троих дочерей, те, в свою очередь, - двоих внучат). В Японии - Санта Одзи-сан (Санта Кросс).

Но, как бы ни назывался этот персонаж, его главная задача - успеть в новогоднюю ночь раздать всем подарки. Все Деда Морозы дарят подарки, но каждый делает это по-своему. Под елку кладет подарок наш отечественный Дед Мороз. В носке обнаруживают подарки англичане и ирландцы, а в ботинке - мексиканцы. Новогодние подарки сваливаются в дымоход во Франции, а на балкон - в Испании. В Швеции Дед Мороз подкладывает подарки к печке, а в Германии оставляет на подоконнике.

Вместе с «вхождением России в мировое сообщество» русский Дед Мороз переоделся из белой шубы в красный наряд, сблизившись тем самым с Санта Клаусом.

Есть одна особенность, которая выделяет русского Деда Мороза с самой выгодной стороны. Только у него есть внучка, и зовется она Снегурочка.

ке, о Снегурочке декламировались стихотворения, она являлась главным персонажем инсценировок народной сказки, фрагментов пьесы А.Н. Островского и оперы Римского-Корсакова. Но в роли ведущей на празднике елки Снегурочка в эти годы никогда не выступала.

И только в посвященных устройству и проведению детских новогодних праздников книжках, выпущенных после разрешения елки в 1935 году, Снегурочка начинает фигурировать на равных правах с Дедом Морозом. Она становится его помощницей и посредницей между ним и детьми. В начале 1937 года Дед Мороз и Снегурочка впервые явились вместе на праздник елки в московском Дом Союзов.

Если родиной Деда Мороза единогласно признан Великий Устюг, то за право считаться родиной Снегурочки борются город Кострома и усадьба Щельково – бывшее имение, а ныне дом-музей А.Н. Островского, автора прославленной пьесы-сказки о Снегурочке, образы которой воплощали в своих музыкальных произведениях П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков. «Снегурочка» зарождалась, вынашивалась в Щелькове», – пишет биограф драматурга, литературовед М.П. Лобанов.

Персонажи славянской мифологии, олицетворявшие зиму, присутствуют не только в обрядности зимней, солнцеворотной, но и в весеннее-летних календарных праздниках – от Масленицы до Иванова дня. Оттого А.Н. Островский и назвал свою драматическую феерию «весенней сказкой», сделал женой Мороза и матерью Снегурочки Весну. Его Снегурочка выходит к людям на Красной горке отца Мороза, в зимней шубке, в разгар широкого масленичного гулянья, а покидает их в Ярилиной долине, в волшебном цветочном венке Иванова дня, одаряющем ту, что его наденет, даром любить и быть любимой, расплавленная лучами Солнца-Ярилы. Писал А.Н. Островский свою «Снегурочку» в весеннем месяце марте 1873 года.

Называться родиной Снегурочки вправе не только Щельково и Кострома, где вынашивался замысел «весенней сказки». Писал А.Н. Островский «Снегурочку» в Москве. Москва вдохновляла и художника В.М. Васнецова в 1882 и 1885 годах, когда «Снегурочка» ставилась на домашней сцене в Абрамцеве – подмосковном имении С.И. Мамонтова, известного русского купца-мецената, и в его Частной опере в Москве.

«Многие спрашивали меня, как я придумал декорации и костюмы «Снегурочки», – вспоминал Виктор Михайлович Васнецов. – В первый раз я увидел Снегурочку в одном из хороводов, который наблюдал в Троицын день на Воробьевых горах, а Берендеева палата

мне пришла на ум, когда я любовался макетом Коломенского дворца. Многие из художников и зрителей удивлялись, откуда я взял краски для «Снегурочки». Ответ у меня очень простой: от народных гуляний в Вятке, в Москве на Девичьем поле, от переливчатой игры жемчуга, бисера и цветных камней на кокошниках, телогрейках, шубах и другом женском одеянии, виденном мною на родине, и в Москве в 1880-х годах».

Воспоминания московского детства подсказали ему и имя, по словам К.С. Станиславского, «благодатного», «добродушного и патриархального царства царя Берендея». А.Н. Островский в авторской ремарке к пьесе пишет: «Действие происходит в стране берендеев, в доисторическое время». Русские летописцы называли берендеями степное тюркское кочевое племя, ходившее с печенегами на Русь. Но берендеи А.Н. Островского – славяне, земляпашцы, чтущие Широкою Масленицу и Солнце-Ярило, а не тюркское Великое Синее Небо.

Драматург заимствовал образы и имена своих персонажей не из словаря тюркских этнонимов, а из славянского фольклора, из русских сказок, из купеческого говора старого Замоскворечья, где этим словом обозначалось не тюркское, а исконно русское понятие.

«Берендейка – бавушка, игрушка, бирюлька, точеная или резная штучка, фигурка, балаболка, – пишет В.И. Даль. – Берендеить, берендейки строгать – заниматься пустяками, игрушками. Берендеечник – игрушечник». Берендеево царство – это мир ребенка с деревянными игрушками-берендейками и сказками няни о снежной растаявшей девочке, мир московского детства самого А.Н. Островского.

В народных сказках Снегурочка – оживший снежный истукан. У драматурга А.Н. Островского она с самого своего рождения была живой девочкой, с горячей кровью матери Весны, потаенно бегущей по жилам. Из всех персонажей пьесы она самая ранимая и незащищенная, самая трепетная, самая пронзительно-человечная, живое олицетворение юности и первой любви.

«Рождественской сказкой» назвал свою поэму «Снежимочка» Велимир Хлебников. «Снегурочка» А.Н. Островского традиционно ставилась под Рождество, на Новый Год, в канун Крещенья. Но, перебирая старые новогодние открытки, листая старые детские книжки, мы не увидим изображений Снегурочки рядом с Дедом Морозом у новогодней елки. Как, например, на картинах Зинаиды Серебряковой – портретах дочерей «Катя в голубом у елки», «Тэа в маскарадном костюме у елки» (1922) – над головами девочек висят на елке среди свеч, ша-

СНЕГУРОЧКА

*Меня все звери знают,
Снегурочкой зовут,
Со мной они играют
И песенки поют.
И мишки-шалунишки,
И зайчики-трусишки
Мои друзья
Люблю их очень я.
М. Красев. «Снегурочка».*

Наряду с Дедом Морозом участником современного ритуала детской новогодней елки является Снегурочка. Она имеет свою историю, во многом независимую от Деда Мороза, но тоже в значительной степени обусловленную народными ми-

фологическими представлениями и русской литературой.

Как и любой мифологический персонаж, Снегурочка характеризуется определенными свойствами и устойчивыми признаками: это очаровательная, приветливая, веселая и шаловливая девочка/девушка в белой одежде, приходящая вместе с Дедом Морозом к детям на новогоднюю елку из лесу. Она состоит в дружеских отношениях с лесным зверьем и птицами, которые служат ей и находятся у нее в добровольном подчинении. Появляясь в «человеческом» мире только в определенное календарное время (перед Новым годом), в течение других сезонов она как бы не существует.

Снегурочка прочно связана с Дедом Морозом как родственной связью (она его внучка), так и сюжетной: появляясь на празднике одновременно (или почти одновременно), они приводят с собою лесных зверей, развлекают детей, приносят им подарки. Будучи помощницей Деда Мороза, Снегурочка способствует установлению контакта между дедом Морозом и детьми. Снегурочка – единична: она подобно Деду Морозу, чудесным образом успевает побывать на всех детских елках.

Снегурочка принадлежит к категории положительных сказочных образов: вся ее деятельность направлена исключительно на благотворное воздействие на детей. Девушка в кокошнике, с роскошной русой косой, в серебристой шубке, пушистых варежках и ладных сапожках, помогающая деду Морозу раздавать детям подарки на новогодних утренниках, – такой ее знаем мы. Интересно узнать, чем она была для наших предков, откуда взялась и с какими дарами к ним приходила.

«Снегурками», «снегурочками», «снеговиками», «снегирями» звались на Руси различные виды птиц, зимующих в наших лесах: жаворонки татарский и сибирский, пуночка-подорожник и др.

Зима у древних славян ассоциировалась с птицами. Ее саму сравнивали с изящней, нахохлившейся воробьиной. «Большие крылья снежной птицы», – сказал о русской зиме поэт серебряного века Александр Блок. И снежинки ее порхают, как птахи.

Но «снегурками» на Руси звались не только птицы. «Снегурка, снежник, снеговик – складенный из снега болван, подобие человека», – пишет в своем словаре «Великорусского языка» В.И. Даль. «Начиная со дня Спиридона (12/25 декабря), – отмечает русский этнограф А.Ф. Крылов, – дети лепили из снега бабу, взявшись за руки, ходили вокруг нее и пели: «Мороз, мороз, через тын перерос, бабу снежную принес. Баба нос крючком, получай снега ком!». После чего разрушали снежную бабу снежками».

В наши дни сооружение и разрушение снеговика, снежной куклы – детская игра. Но, как отмечают этнографы, куклы перекочевали из религиозно-магического обихода в сферу детских забав лишь в христианскую эпоху, и детские игры хранят отголоски былых языческих ритуалов.

Если образ Деда Мороза успел оформиться в мифологического персонажа и войти в сценарий детских елок еще до революции 1917 года, то со Снегурочкой этого не случилось. Возможно, Дед Мороз опередил Снегурочку потому, что у него оказались западноевропейские двойники: дарители елки и подарков, в то время как Снегурочка в этом отношении оказалась уникальной, существующей только в русской культуре. Женских персонажей, связанных с Новым годом и елкой, на Западе не существует. Дед Мороз имеет своих «западных» двойников. Снегурочка – нет. Уже до революции Снегурочка была представлена на елках достаточно широко: куклы-снегурочки вешались на елку, девочки в костюме Снегурочки участвовали в праздни-

ров и мишуры две игрушки: рождественский ангел и Дед Мороз.

В книжке С.Н. Дурылина «Снегуркин дом», вышедшей в 1912 году, Дед Мороз и Снегурка соединились в одном мифе: живущая в лесном домике под покровительством Деда Мороза Снегурка превращается в образ, уже вполне знакомый нам по новогодним елкам. Лесной домик Снегурочки, впервые упомянутый у А.Н. Островского, позже превращается в устойчивую деталь декорации сценария новогодней елки.

Закреплению иконографии Снегурочки в значительной мере способствовало изобразительное искусство. В книгах и иллюстрированных журналах постоянно воспроизводились скульптура В.А. Беклемишева «Снегурочка» и картина В.М. Васнецова «Снегурочка». Важную роль в популяризации этого образа играли и разнообразные драматические постановки, как, например, «сказка с балетом и апофеозом» А.Я. Алексеева «Дочь Мороза – Снегурка», сочиненная и поставленная в 1893 году на народных гуляньях и в театрах увеселительных домов. Замечательные декорации к пьесе и опере запечатлелись в сознании зрителей как «мир Снегурки».

Назовем для примера выполненные в 1910 году декорации Д.С. Стеллецкого «Дворец Берендея», «Заповедный лес», «Ярилина долина» и занавес в постановке «Снегурочки», в центре которого героиня пьесы А.Н. Островского изображена девушка с косой и в белом одеянии. Модные на рубеже XIX–XX веков домашние и школьные театральные постановки, в репертуар которых часто входили фрагменты из «Снегурочки» А.Н. Островского, приводили к тому, что девочки, исполнявшие роль главной героини, как бы обретали ее облик и внутренний мир.

Когда в конце XIX–начале XX века педагоги и методисты начинают разрабатывать сценарии детского праздника новогодней елки, в него попадают и персонажи из народной сказки о Снегурке, «весенней сказки» А.Н. Островского, хоры оперы Римского-Корсакова. Стихотворения и песни о зиме, Новом годе и елке включают в себя персонифицированные образы Мороза (превратившегося постепенно в Деда Мороза), девушки/девочки Снегурочки (превратившейся в его внучку), Зимы, Метели, Снежинок и др.

Так со временем образ Снегурочки становится понятным и с детства знакомым образом. Младшая дочь писателя В.В. Розанова, вспоминая о том, как детстве в ней вдруг проснулось чувство природы, сравнивает себя со Снегурочкой: она, «как Снегурочка, выросшая среди природы, не замечала ее, а как весна надела ей венки, она вся

затрепетала и поднялась навстречу ей: «О мама, какой красой зеленый лес оделся!» А до того знала только, что «на солнце жарко, а в тени холодно».

Окончательно сформированный образ Снегурочки начинает свою жизнь на детских елках. Поэты сочиняют песни Снегурочке, как например, песенка на слова М. Карасева:

*Меня все звери знают,
Снегурочкой зовут,
Со мной они играют
И песенки поют.*

*И мишки-шалунишки,
И зайчики-трусишки
Мои друзья,
Люблю их очень я.*

*Ко мне лиса заходит,
С лисятами всегда,
Со мной по лесу бродит
Волк серый иногда.*

Или песенка на слова Э. Эмден, в которой Снегурочка рассказывает о своем лесном домике.

В некоторых сценариях Снегурочка напоминает фею с волшебной палочкой, прикосновением которой она зажигает елку. К.Г. Паустовский, рассказывая о Кремлевской елке 1954 года, пишет: «И когда Снегурочка прикоснулась к елке своей волшебной палочкой и зажгла на ней гроздь свечей, когда запели фанфары, и шелковые флаги всех союзных республик взвились в конце зала, – дети не выдержали, и буря аплодисментов загремела вокруг». Во времена Хрущева Снегурочка стала сопровождать Деда Мороза на новогодних праздниках и превратилась из дочки во внучку. «Новорожденная» внучка Деда Мороза с мешком подарков сразу же полюбилась и взрослым, и детям.

Мы являемся свидетелями активного процесса изменения и усложнения образов Деда Мороза и Снегурочки. Их функции в рождественско-новогоднем ритуале меняются с каждым годом. К чему этот процесс, в конце концов, приведет, покажет только время.

ЕЛКА

*Опять ты зажглась, новогодняя елка,
Опять ребятнишек в кружок собрала.
И звезды сверкают в душистых иголках
И песенка наша опять весела!
Нет лучше подарка, желанней и краше!
Тобой, долгожданной, любимы мы,
Красавица елка, любимица наша,
Зеленое дерево белой зимы.*
Р.А. Кудашева. «Опять ты зажглась,
новогодняя елка...»

Наряженное еловое деревце, стоящее в доме на Новый год, кажется нам столь естественным, само собой разумеющимся, что, как правило, не вызывает никаких вопросов. Подходит Новый год, и мы по усвоенной с детства привычке устанавливаем его, украшаем и радуемся ему. А между тем обычай этот сформировался в нашей стране относительно недавно, и его происхождение, его история и его смысл, несомненно, заслуживают внимания.

Процесс «прививки елки» В России был долгим, противоречивым, а временами даже болезненным. Этот процесс самым непосредственным образом отражает настроения и пристрастия различных слоев русского общества. В ходе завоевания популярности елка ощущала на себе восторг и неприятие, полное равнодушие и вражду. Проследившая историю русской елки, можно увидеть, как постепенно меняется отношение к этому дереву. Как в спорах о нем возникает, растет и утверждается его культ, как протекает борьба с ним и за него, и как елка, наконец, одерживает полную победу, превратившись во всеобщую любимицу, ожидание которой становится одним из самых счастливых и памятных переживаний ребенка. Елки детства запечатлеваются в памяти на всю жизнь.

Появление в России новогодней елки часто приписывают Петру I, что не совсем верно. Царь-реформатор ввел в России не елку, а сам праздник Нового года в привычном для нас понимании. До того началом нового года считалось 1 сентября. Указом от 20 декабря 1699 года Петр I повелевал перенести день «новолетия» на 1 января «по примеру всех христианских народов» и «лучшего ради согласия с

народами европейским». В знак «доброго начинания и нового столетнего века» Петр I повелел «по большим проезжим улицам, и знатным людям, и у домов именитых духовного и мирского чина, пред воротами учинить некоторое украшение от деревьев и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых. А людям скудным хотя по дереву или ветви над воротами или над хороминами своими поставить. И чтоб то поспело будущего генваря к 1-му числу 1700 сего года; а стоять тому украшению генваря по 7-е число того же года». Но обычай не прижился, после смерти Петра I этот указ забыли.

Освоение в России обычая устанавливать елку поражает своей стремительностью. В начале 1830-х годов о нем еще говорилось как о «милой немецкой затее», а в конце этого десятилетия елка уже «входит в обыкновение» в домах петербургской знати, в течение следующего становится популярной в столице, к середине века распространяется по провинциальным городам и помещичьим усадьбам. Только в домах дворянства и крестьянской избе елка в XIX веке так и не привилась.

Ель, используемая в качестве неперменной и главной принадлежности детского семейного праздника Рождества первоначально известная лишь под немецким названием, некоторое время называлась рождественским деревом, после чего получила имя *елки*, которое закрепилось за ней навсегда. В процессе освоения этого обычая менялось отношение к самому дереву, возрастала его популярность, создавался новый образ-символ, нашедший отражение в самых разнообразных явлениях русской жизни – рекламе и коммерции, в периодической печати и разного рода иллюстративном материале, педагогике и детской психологии.

При этом произошли кардинальные изменения в отношении к самой елке, что сказалось на всех аспектах ее восприятия – эстетическом, эмоциональном, этическом, символическом, мифологическом. Прежде всего, дерево, которое Пушкин назвал «северный тавро русской природы», не пользовалось особой симпатией. Символика смерти и связь с «нижним миром», которые приписывались ели в русской традиции, а также обычай ставить елки на крышах кабаков вовсе не предвещали тех перемен в отношении к ней, которые произошли в середине XIX века. Принятая в качестве обрядового дерева, устанавливаемого в доме на Рождество, ель превратилась в положительно окрашенный растительный символ.

Пирамидальная форма, густота вечнозеленого покрова, приятный хвойный и смолистый запах – все это в соединении с празднич-

ным убранством (горящими свечами, украшениями, ангелом или звездой, венчающими верхушку) способствовало превращению ее в образ эстетического совершенства, создающий в доме особую атмосферу. Ее стали называть «живой красавицей», «светлой», «чудесной», «великолепной», «стройной вечнозеленой красавицей елкой». Висящие на ней сладости (орехи, яблоки, пряники), лежащие под ней или же спрятанные среди ветвей подарки, которые елка щедро раздает, превращали ее в бескорыстную дарительницу.

Отношение детей к елке как одушевленной красавице, которая, по словам Е.В. Душечкиной, «также живет и чувствует, и радуется, как они, она живет вместе с ними и они с ней», свидетельствует о персонификации этого образа в детском сознании.

Острота переживания елки возрастала за счет краткости ее явления: на первых порах ее присутствие в доме ограничивалось одним днем (или одним вечером), в течение которого ее воспринимали предельно интенсивно – до экзальтации, находившей психологическую разрядку в конце праздника, когда елку отдавали во власть детей, и она разрушалась и уничтожалась ими. Этот момент породил выражения «грабить елку», «щипать елку», «рушить елку». Непродолжительный визит прекрасного одаривающего дерева воспринимался как ежегодно повторяющееся чудо, воспоминания о котором становилось лучшими мгновениями детства. Ожидание очередного явления елки, начинавшееся задолго до наступления Рождества, стало одним из острейших переживаний ребенка.

Вполне понятно, что в процессе освоения иноземного обычая усваивалось и то значение, которое приписывалось рождественскому дереву на Западе – его связь с темой Рождества. Так и русская елка стала «Христовым деревом»: свойство оставаться всегда зеленой способствовало превращению ее в символ «неувядающей, вечнозеленой, благодетели Божьей», вечного обновления жизни, нравственного возрождения, приносимого рождающимся Христом. Она превратилась в райское дерево, которого люди некогда лишились, но которое ежегодно возвращалось к ним с родившимся Спасителем.

Символическое толкование получило не только дерево в целом, но и отдельные его части и атрибуты: храмообразная форма, вечнозеленый покров, Вифлеемская звезда на верхушке, горящие на ветках свечи. Ежегодно свершавшееся чудо явления елки (готовившейся старшими обязательно втайне от детей), подарки под ней, соотносившиеся с дарами волхвов, весь несложный праздничный сценарий вос-

производили евангельский сюжет Рождества Христова, в котором главный акцент делался на теме семьи и воспитания ребенка.

В результате эмоционально воспринимавшийся образ приобретал содержательную опору и начинал выполнять определенную воспитательную функцию. Восторг и обожание, соединившись с почитанием и благоговением, превратили праздник елки в культовое поклонение ей.

Приобретенные елкой символические значения в свою очередь нуждались в логическом объяснении и обосновании, требуя мифологических текстов – рассказов и легенд, которые подтверждали бы ее право быть предметом поклонения. В русской народной традиции такие тексты отсутствовали.

Значительная часть сюжетов о елке пришла в Россию из Европы. Их переводили, перерабатывали, перелагали в стихотворения и печатали в выходивших к Рождеству подарочных книжках, а также в праздничных выпусках журналов, в первую очередь детских. При этом совершался определенный отбор текстов: одни из них по той или иной причине отвергались, другие перенимались и усваивались, третьи же переделывались и переосмыслились. Так, русская традиция не приняла широко бытовавшие в Германии легенды, связывавшие превращение ели в рождественское дерево с именем Мартина Лютера. Согласно одной из них, Лютер, прогуливаясь рождественской ночью, снял с неба звезду и положил ее на елку для того, чтобы осветить себе путь.

Те же тексты, которые не противоречили религиозным и национальным чувствам, тиражировались в большом количестве, закрепляя в сознании детей образ рождественской елки. Из них ребенок получал ответ на вопрос, почему именно елка стала «Христовым деревом»: ее, вместе с другими деревьями пришедшую в Вифлеем удостоверить в рождении Спасителя, младенец Иисус вознаграждал за скромность, сделав героиней праздника в его честь. Этому сюжету посвящено стихотворение Д. Мережковского «Легенда о рождественской елке», впервые опубликованном в 1883 году в детском журнале «Родник», а впоследствии под разными названиями неоднократно перепечатывавшегося в рождественских выпусках периодических изданий.

Также из них ребенок узнавал, как елка неизменно выступала в роли спасительницы и защитницы униженных и обездоленных, как ее наличие в доме в рождественский сочельник способствовало вы

здоровлению тяжелобольных детей, как вместе с елкой в дом возвращались блудные дети – сыновья и дочери, мужья и жены, приходили мир и благополучие.

Подобного рода рождественские елочные утопии в неисчислимом количестве заполняли праздничные номера массовой периодики, создавая идеализированные картины семейного счастья, причиной которого была стоящая в доме рождественская елка.

Символическая соотнесенность елки с Иисусом Христом привела к возникновению образа «Христовой» или «Божьей елки», на которую попадают бедные дети-сироты, умершие в рождественский сочельник. Одним из первых произведений о «елке у Христа» стала баллада немецкого поэта Фридриха Рюккета «Елка ребенка на чужбине». Затем последовала сказка Г.-Х. Андерсена «Девочка с серными спичками». Этот сюжет хорошо знаком нам по «мальчику у Христа на елке» Ф.М. Достоевского: «У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых нет своей елки...». Именно благодаря мотиву «Христовой елки» трагический рассказ о смерти ребенка приобретал светлый финал. Сразу же после появления этого рассказа он становится образцовым рождественским текстом. Уже на следующее Рождество 1876 года о нем писали как о произведении, «отличающемся высокими поэтическими достоинствами, напоминающими творчество Гофмановского гения», где «бедному замерзающему ребенку снится елка с радужными огнями и плодами у Христа».

В результате формирования нового обычая образ ели в русской культуре стал иметь двойственный характер: продолжая традиционно использоваться в похоронном ритуале, где она выполняла функцию «древа смерти», ель одновременно с этим оказалась тесно связанной с праздником Рождества. Противоречие символических смыслов нуждалось в мотивировке, возникли особые тексты, объяснявшие эту двойственность ели. Так, согласно «Рождественской легенде», пересказанной Е. Бекетовой (тетей А. Блока), из ели, росшей на берегу Иордана, был сделан крест, на котором распяли Христа, отчего она и получила название «крестного дерева». С тех пор лишилась ель счастья: она усыпает своими ветвями путь к могиле и точит смолистые слезы. Но Господь, сняв с нее проклятье, сделал «символом светлым Христова рожденья», и поэтому теперь вокруг ели слышны детские голоса и смех.

Несмотря на все возрастающую популярность елки в России, отношение к ней с самого начала усвоения не отличалось полным

единодушием: споры о елке, о правомерности устройства праздника в ее честь сопровождают всю ее историю. Приверженцы русской старины видели в елке очередное западное новшество, посягающее на национальную самобытность: она вызывала раздражение неорганичностью и уродливостью своего вторжения в народный святочный обряд, который, как считалось, необходимо было бережно сохранять во всей его неприкосновенности. Для других елка была неприемлемой с эстетической точки зрения. О ней иногда отзывались с неприязнью как о «неуклюжей, немецкой и неостроумной выдумке». Такого мнения придерживался, например, русский писатель И.А. Гончаров: «Взять из лесу грязное дерево, налепить огарков, да нитками навязать грецких орехов, а кругом разложить подарки! Ненатурально, и детям, я думаю, приторно смотреть, просто невыносимо! Копоть, жара, сор, того и гляди еще подожгут какую-нибудь занавеску».

Некоторые противники елки, сожалея о напрасно истраченной древесине, выдвигали на первое место эколого-экономические проблемы. К последним присоединились писатели А.П. Чехов и И.А. Гончаров. И.А. Гончаров в своем незавершенном очерке-фельетоне «Рождественская елка», над которым работал для газеты «Голос» в 1870-е годы с тревогой замечает: «Крестовский и другие окрестные леса уже стонут и трещат под топорами!». Писатель высказывает мысль о необходимости запретить этот обычай.

Распространению праздника елки и процессу его христианизации препятствовала и православная церковь.

Священнослужители видели в новом празднике «бесовское действо», языческий обычай, ничем не напоминавший рождение Спасителя, да вдобавок – обычай западного происхождения. Издавались указы церковных властей, налагавшие запрет на праздник елки, осуждались устроители елочных торжеств, отменялись елки в учебных и воспитательных заведениях. Даже в начале XX века, когда елка уже пустила в России прочные корни, писатель В.В. Розанов требовал от Синода специального разрешения на проведение елок в сельских школах: «Запрещение елки в школе равнялось бы запрещению ее полному, потому что не в избушке же крестьянской устраивать ее для шестидесяти или ста учеников».

Не была елка принята и в крестьянской избе. Как отмечает исследователь русской истории Т.А. Агапкина, «в крестьянском быту восточных славян ни рождественское, ни новогоднее украшение домов еловыми ветками и срубленными деревцами в XIX веке привить-

ся не успело». Если для городской бедноты елка была желанной, хотя часто недоступной, то для крестьян она оставалась чисто «барской забавой». Крестьяне ездили в лес только за елками для своих господ или же для того, чтобы нарубить их на продажу в городе. И «старичок», согласно известной песенке, срубивший «нашу елочку под самый корешок», и чеховский Ванька, в Сочельник вспоминающий поездку с дедом в лес за елкой, привозили ее вовсе не для себя, а для господских детей. А.П. Чехов пишет о своем маленьком герое: «Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собой внука. Веселое было время! Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее».

Крестьянские дети видели елку только в том случае, если господа приглашали их к себе на праздник. Тот же чеховский Ванька просит своего деда: «Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мне золоченый орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны».

К праздникам елки и к связанным с ними мероприятиям отрицательно относилась часть педагогов, считая, что эти праздники только «портят детей», а подарки «вызывают у них оскомину». Дети, по их мнению, «не ценят ни елки, ни подарков, занимаются ими короткое время, привыкая к тому, что все должно им валиться с неба».

В полемике по вопросу о правомерности устройства праздника елки для детей сторонники елки встали на защиту «прекрасного и высоко-поэтического обычая рождественской елки», полагая, что «в лесу всегда можно вырубить сотню-другую молодых елок без особенного вреда для леса, а нередко даже с пользой».

Отрицательное отношение к полюбившемуся обычаю вызывало раздражение педагогов и воспитателей, которые всеми силами стремились отстоять елку и найти ей оправдание. Защитники елки настойчиво повторяли, что «рождественская елка имеет для детей огромное значение. Она дает им столько удовольствий, что выразить трудно. Этот обычай следовало бы поддерживать и распространять всеми способами. И сколько радостей она приносит для детей, сколько восторгов, сколько разговоров».

Благодаря усилиям литераторов и педагогов елка вышла победительницей из борьбы со своими противниками. Новый обычай оказался столь обаятельным и чарующим, что отменить его так никому и не удалось.

Еще во второй половине XIX века в печати начали появляться тексты, в которых отчетливо проявлялась переориентация праздника

елки и ритуала, с ним связанного, на русскую почву. Этот процесс носил вполне сознательный характер, и главная инициатива в нем принадлежала педагогам, писателям и церковным публицистам. Не желая отменять елку и лишая детей удовольствия, осознавая, сколь «благодетельна и желательна для детей праздничная елка», они начали работу по созданию новой елочной мифологии, в которой образу елки придавался «исконный» фольклорный характер.

Детская литература второй половины XIX века «насыщала» елку новыми значениями, связывая ее с придуманными, чаще всего в результате несложных контаминаций, персонажами – Дедом Морозом, Снегурочкой, бабушкой Зимой, Новым и Старым годом. Каждый из этих образов имеет свою историю, но, соединившись в едином мифологическом комплексе, они предоставляли возможность создавать для праздника литературные сказки, легенды, стихотворения и пьески. Именно этот слой псевдонаучной елочной мифологии в наибольшей степени способствовал тому, что елка, по мнению О.А. Белявской, «так твердо привилась в русском обществе, что никому и в голову не придет, что она не русская».

Елка связывалась уже не столько с Рождеством, сколько с Новым годом и зимой. А пространственно – с лесом, откуда ее приносили Дед Мороз и Снегурочка, «мужичок», срубивший «нашу елочку под самый корешок», или же, как в «Русской сказке о рождественской елке», «старички-кулачки», что-то вроде русифицированных гномов. Вместе с елкой в детском новогоднем праздничном мире возник образ зимнего леса, посланницей которого она стала и, живя в котором, она также неизменно выступала в роли спасительницы и защитницы, укрывая от стужи заплутавших людей и пряча убегающих от охотников волков и зайчиков:

*И накрыла елочка
Зелеными ветвями
Бедного зайчишку
С длинными ушами.*

Именно тогда на ветвях елки в качестве украшения появились имитирующая снег вата, блестки и шишки, а на праздник стали приходить лесные жители: зайчики, белочки, ежики, волки и медведи.

С тех пор как ель превратилась в рождественское дерево, главная особенность ее декора состояла в освещении: зажигающиеся на ней свечи символизировали собой звезды рождественской ночи.

Вслед за этим на елку стали вешать фрукты – прежде всего яблоки: и в качестве символических даров младенцу Иисусу, и в знак того, что ель рассматривалась как райское дерево, приносящее плоды. Затем на елке появились облатки – лепешки из пресного теста, употребляемые католиками и протестантами во время причастия, которые, конечно же, соотносились со священными дарами дереву, ставшему символом Христа.

Дальнейшие факты свидетельствуют о стремлении умножить эти три составляющие елочного декора: продемонстрировать их обилие, даже изобилие, избыточность. По воспоминаниям Н.В. Розановой елка в их доме, «гнулась от множества игрушек и сладостей, пылала веселым счастливым огнем, трещали хлопушки, вспыхивали внезапно бенгальские огни и рассыпались звездочками».

Освещение праздничного дерева одними свечами стало казаться недостаточным: возникало желание видеть дерево как можно более блестящим и сверкающим, и потому его начали обвешивать мишурой, канителью (тонкими металлическими нитями), блестками и разнообразными блестящими вещицами, что, благодаря горящим свечам, создавало игру света и делало его ярким и сияющим. Производством гирлянд, цепей, мишуры (длинных тонких нитей их фольги), блесков и т.п. занимались специальные артели по изготовлению елочных украшений, размножившиеся с середины XIX века. Чем ярче блестела елка, тем она считалась красивее и торжественнее, наиболее соответствующей праздничной атмосфере: определения «сияющая елка», «блестящая елка», «светлая елка» в применении к рождественскому дереву становятся одними из самых употребительных.

Помимо яблок на елку стали вешать и другие плоды: цитрусовые (в первую очередь – мандарины), орехи (ставшие непременным украшением елки), груши, виноград. А облатки, которые, естественно, не могли использоваться на русских елках, были заменены кондитерскими изделиями (фигурными пряниками и печеньем), а также конфетами. Множество разнообразных висящих на елке предметов и делало ее прекрасной посланницей младенца Иисуса, приносящей детям плоды.

По мере того как елка превращалась в светское увлечение, на ней начали появляться елочные игрушки. Стекланные украшения делались из толстого зеркального стекла и поэтому были гораздо тяжелее современных хрупких стеклянных игрушек. Появились они на русских елках в середине XIX века. Это были шары, бусы, сфериче-

ские зеркальные предметы в виде прожекторов, сосулеч и пр. Первое время большая часть стеклянных украшений была иностранного производства. Однако вскоре их изготовление наладили и в России. Тогда же в широком ассортименте стали делать игрушки из ваты и папье-маше (плотного вещества, состоящего из бумажной массы, смешанной с клеем, гипсом или мелом). Они покрывались бертолетовой солью, которая делала их поверхность более плотной и придавала им тусклый нежный блеск.

С того времени как елка стала «русифицироваться», обрастая новой мифологией, становятся популярными игрушки, изображающие персонажей русских народных сказок: лесных зверюшек (зайчиков, белочек, медведей, волков), а также домашних животных и птиц (поросят, собачек, кошечек, курочек, петушков, уток, гусей и пр.). Пришедшее из лесу дерево должно было стать носителем атмосферы зимнего леса, отчего его обсыпали блестками, имитировавшими иней, вырезанными из бумаги узорными «снежинками» или же попросту маленькими кусочками ваты.

Разнообразие висящих на елке игрушек давало возможность детям долго рассматривать их среди елочных ветвей и любоваться ими, что прекрасно передано в стихотворении А.Н. Плещеева 1887 года «Елка»:

*Детский взор игрушки манят...
Здесь лошадка, там волчок,
Вот железная дорога,
Вот охотничий рожок.
А фонарики... а звезды,
Что алмазами горят...
А орехи золотые,
А прозрачный виноград!*

Безусловно, далеко не каждая домашняя елка украшалась столь богато и разнообразно, однако свечи, яблоки и изделия из теста бывали всегда. В.А. Никифоров-Волгин вспоминает: «Елка наша была украшена конфетами, яблоками и розовыми баранками».

И, наконец, следует сказать об истории искусственных елок. Первое упоминание о такой елке в России датируется концом 1840-х годов. Но мода на искусственные елки возникла в конце XIX века, о чем можно судить по ряду рассказов и очерков этого времени. Металлические елочки выставлялись в витринах магазинов, на елочных

базарах можно было увидеть ярко-зеленые искусственные «елки-крошки». Однако массовое производство пластиковых елок различной величины, формы, конструкций началось с 1960–1970-х годов, в эпоху химизации. Материальная выгода и отсутствие лишних хлопот, связанных с покупкой елки, по-видимому, и стали причиной их популярности. И все же большинство продолжало следовать традиции, отдавая предпочтение настоящей, «живой», недавно срубленной в лесу, пахучей «лесной красавице».

С тех пор как в некоторых семьях елку перестали готовить в тайне от детей, взрослые начали привлекать их к изготовлению елочных украшений. Процесс украшения дерева превратился в прекрасный семейный ритуал, который доставлял детям не меньше, а может быть даже больше радости, нежели елка, явленная им уже в полном своем уборе. Одним из самых распространенных самодельных украшений стали бумажные цепи, изготовление которых было столь простым, что к этому делу можно было привлекать самых маленьких детей.

Вот как А.П. Чехов в рассказе 1887 года «Мальчики» описывает сцену изготовления елочных украшений: «Отец и девочки сели за стол и занялись работой. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для елки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок подал с неба».

Многие мемуары и автобиографические повести включают в себя рассказы о семейном изготовлении новогодних игрушек: и повесть А. Круглова «Далекое Рождество», и «Детство Никиты» А.Н. Толстого, и «Чук и Гек» А. Гайдара.

В повести «Детство Никиты» А.Н. Толстой пишет, что во время совместного изготовления игрушек матушка рассказывала, «как в давнишние времена елочных украшений не было и в помине и все приходилось делать самому». Педагоги и родители рассматривали участие детей в изготовлении елочных игрушек как одну их форм трудового воспитания, приучения детей к рукоделию и развитию у них вкуса.

В Германии обычай вручения детям подарков именно на елке был известен, по меньшей мере, с середины XVIII века. В русских семьях еще до того, как в моду вошла елка, детям также было принято готовить к Рождеству подарки. Но в нашей стране этот обычай не имел широкого распространения.

Он был воспринят у немцев вместе с рождественским деревом, о чем, как о новшестве, в 1842 году сообщает журнал «Звездочка»: «Прежде родители делали это у нас просто, отдавая детям подарки в то время, когда они приходили в утро первого дня поздравлять их с праздником; теперь около приготовленной елки или под нею раскладываются и расставляются подарки, и к каждому прикрепляется билетик с именем того их детей, которому он назначается».

Подарки к елке приобретались в магазинах и в кондитерских, где, начиная с 1840-х годов, перед Рождеством, наряду с убранными елками, продавались игрушки и книги, а также другая праздничная продукция, главным образом импортная. Для детей, в зависимости от возраста, готовились разные подарки: «Старших детей дарят туалетными вещами и книгами, младших – книгами, игрушками и конфетами». Анастасия Цветаева вспоминает «золотые обрезы книг в тяжелых, с золотом переплетах, с картинками, от которых щемило сердце». Такие книги ей с сестрой Мариной Цветаевой обычно дарили на елку.

Дарили подарки и на елках в учебных и воспитательных заведениях. Они покупались на пожертвованные деньги или же на средства самих устроителей. Вручению подарков на общественных елках предшествовали выступления детей (что иногда практиковалось и на семейных елках): чаще всего декламация стихотворений или исполнение песен, реже – танцы.

Если в первые годы в соответствии с западноевропейской традицией рождественская елка не предполагала ряженья (детей просто одевали в нарядные платья), то к концу XIX века оно становится на детских елках обычным явлением. Столь привычные для нас школьные и детсадовские елочные маски и персонажи детской елочной литературы, неизвестные народной святочной традиции, возникли именно в ходе создания «русифицированной» елочной мифологии.

Постепенно корпус текстов для праздника елки начал притягивать к себе русские народные сказки с «зимней» тематикой (прежде всего «Морозко» и «Снегурочка»), а также «зимнюю» стихотворную классику: «Зима, крестьянин, торжествуя...», «Не ветер бушует над бором...», «Однажды в студеную зимнюю пору...», «Чародейкою зимою...» и др. Эти произведения прочно срослись с праздником елки и наряду с елочной драматургией, примером которой может служить «драматическая картина» Е. Швидченко «Елка», и даже елочной оперой (как, например, опера 1890 года композитора В.И. Ребикова с тем же названием) вошли в его репертуар.

К концу XIX века елка, вписавшись как в домашний праздничный интерьер, так и в рождественский городской пейзаж, становится в России совершенно обычным явлением. Утверждается представление о том, что разукрашенное еловое дерево испокон веков было обязательной принадлежностью русского Рождества.

В.В. Розанов писал: «Я с удивлением узнал, что, в сущности, обычай рождественской елки не принадлежит к числу коренных русских обыкновений. Елка в настоящее время так твердо привилась в русском обществе, что никому и в голову не придет, что она не русская». В начале XX века под этими словами могли бы подписаться многие: привычность елки в русской жизни этого времени привела к тому, что она стала восприниматься как народный по своему происхождению обычай.

В 1918 году большевики запретили устраивать елки и праздновать Новый год, считая это «буржуазной прихотью» и «старорежимным обычаем». Декретом Совнаркома от 24 декабря 1918 года был введен новый стиль ведения календаря с разницей между старым в 13 дней. Между Рождеством и Новым годом пролегли будни. Это было самое мрачное время для детворы и родителей. Купить елку стало невозможно, а привезти из лесу даже и опасно. С этого момента традиция ставить в новогодний праздник елку исчезла на целых 17 лет, и только в редких семьях решались тайно устанавливать ее.

Как ни странно, возвращением елки мы обязаны Сталину. Н. С. Хрущев писал в своих воспоминаниях, как П.П. Постышев поднял перед Сталиным вопрос: «Товарищ Сталин, вот была бы хорошая традиция и народу понравилась, детям тоже принесла бы радость – рождественская елка. Мы это сейчас обсуждаем. А не вернуть ли детям елку?». Сталин поддержал его: «Возьмите на себя инициативу, выступите в печати с предложением вернуть детям елку, а мы поддержим».

Статья П.П. Постышева была опубликована в газете «Правда» 28 декабря 1935 года и называлась «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!». В эти же дни «Правда» сообщает о первых елочных базарах в Москве.

В 1936 году П.П. Постышев организовал в Харьковском Дворце пионеров одну из первых в стране, после многолетнего перерыва, новогоднюю елку. Широкую известность получил тогда дружеский шарж: Дед Мороз (П.П. Постышев) вручает детям елку. А в январе 1937 года в Колонном зале Дома союзов была торжественно поставлена первая советская новогодняя елка. Дерево достигало 15 метров высоты. Репортаж из зала показали в киножурнале «Советский Со-

юз». И уже на следующий год сотни праздничных елок по всей стране подхватили кремлевский почин. Лесная красавица вернулась после долгого забвения и уже навсегда вошла в нашу жизнь вечнозеленым чудом и волшебной сказкой.

Сегодня мы не представляем себе Нового года без нарядной пушистой елочки, которая радует всех не только своей красотой, но и подарками.

ГЛАВНАЯ ПЕСНЯ О ЕЛКЕ («В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ЕЛОЧКА...»)

В конце 1903 года в истории русской елки произошло знаменательное событие, которое прошло тогда никем не замеченным: на первых страницах рождественского номера журнала «для самых маленьких» «Малютка» было напечатано стихотворение «Елка», подписанное псевдонимом «А. Э.». Оно представляет собой небольшую стихотворную пьеску под названием «Елка», в которой дети водят хоровод вокруг елки и поют о ней песенку.

Текст был воспроизведен на фоне прелестного рисунка, изображающего тот момент, когда детей вот-вот должны впустить в помещение, где установлена красавица-елка: через отворенные двери видно стоящее на столе широкое, разлапистое и разукрашенное дерево с зажженными на нем свечами. Под ним разложены многочисленные подарки: лошадки, куклы, книги, конфеты, пакеты. Пожилая седовласая дама, стоя в дверях, звонит в колокольчик. Рядом с ней – молодая девушка, видимо, участвовавшая в украшении елки. Дети, завороженные волшебным видом сияющего дерева, смотрят на него через дверной проем. Долгожданный праздник и веселье вот-вот начнутся...

Поскольку напечатанный в «Малютке» текст мало кому известен целиком, приведем его полностью:

*Гнутся ветви мохнатые
Вниз к головкам детей;
Блещут бусы богатые
Переливом огней;
Шар за шариком прячется,
А звезда за звездой,
Нити светлые катятся,
Словно дождь золотой...
Поиграть, позабавиться*

*Собрались детки тут,
И тебе, Ель-красавица, свою песню поют.
Все звенит, разрастается
Голосков детский хор,
И, сверкая, качается
Елки пышный убор.*

Песня:

*В лесу родилась Елочка, в лесу она росла;
Зимой и летом, стройная, зеленою была.
Метель ей пела песенки: спи, Елка... баю-бай!
Мороз снежком укутывал: смотри, не замерзай!
Трусишка зайка серенький под Елочкой скакал.
Порой сам волк, сердитый волк, рысцою пробегал...*

*Веселей и дружнеей
Пойте, деточки!
Склонит Елка скорей
Свои веточки.*

*В них орехи блестят
Золоченые...
Кто теперь здесь не рад,
Ель зеленая?*

*Чу! Снег по лесу частому под полозом скрипит.
Лошадка мохноногая торопится, бежит.
Везет лошадка дровенки, на дровнях старичок.
Срубил он нашу елочку под самый корешок...
Теперь ты здесь, нарядная, на праздник к нам пришла,
И много-много радости детишкам принесла.*

*Веселей и дружнеей
Пойте, деточки!
Склонит Елка скорей
Свои веточки.
Выбирайте себе,
Что понравится...
Ах, спасибо тебе,
Ель-красавица!..*

Это стихотворение не хуже, но, пожалуй, и не многим лучше других стихотворений о елке, которые на протяжении полувека ежегодно печатались в праздничных выпусках периодических изданий, как детских, так и взрослых. Однако именно ему, точнее, его части, суждено было стать нашей главной песней о елке.

В 1905 году напечатанная в «Малютке» пьеска привлекла внимание композитора-любителя Л.К. Бекмана, который, сократив ее, переложил на музыку строфы о судьбе елочки. Жена Л.К. Бекмана, известная пианистка Е.А. Бекман-Щербина, записала мелодию, и песенка была включена в их совместный сборник «Верочкины песенки», вышедший в 1906 году.

О создании музыки к тексту Е.А. Бекман-Щербина вспоминает: «Леонид как-то сел за рояль, посадил нашу дочь Верочку на колени и сочинил для нее песенку из детского журнала «Малютка». Верочка, обладавшая прекрасным слухом, быстро ее выучила, и, чтобы не забыть песенку, я записала ее, так как автор был на этот счет «неграмотным». Впоследствии мы оба стали сочинять для детей и другие песенки. Так возник наш сборник «Верочкины песенки», выдержавший в короткий срок четыре издания. А «Елочку» до сих пор поет вся детвора, и мало кто знает, что эту, ставшую почти народной, песню сочинил не музыкант, а кандидат естественных наук и агроном!».

С того времени и началась жизнь «Елочки». Уже до революции 1917 года ее пели на рождественских и новогодних праздниках, причем Бекман долгое время считался как автором музыки, так и слов. Когда после нескольких лет запрета елки при советской власти она была разрешена, вновь возникла потребность в песнях и стихотворениях о елке. В 1940 году составительница готовившегося Детгизом сборника «Елка» Э. Эмден разыскала настоящего автора слов песенки «В лесу родилась Елочка...». Им оказалась Р.А. Кудашева.

Раиса Адамовна Кудашева (1878–1964) – детская писательница, создавшая много стихотворений и рассказов, печатавшихся в журналах для детей. Она родилась в семье чиновника. Стихи начала писать с детства. После окончания гимназии Кудашева некоторое время служила гувернанткой, потом преподавала в школе, а затем, не прекращая литературной деятельности, долгие годы работала библиотекарем.

Первое ее стихотворение появилось в печати в 1896 году, после чего она регулярно стала сотрудничать в детских журналах «Подснежник», «Малютка», «Светлячок», постоянным автором которых являлась вплоть до революции 1917 года. Раиса Адамовна опубликовала около двухсот песен, стихотворений, сказок, рассказов для детей. Свои произведения она подписывала псевдонимами «А. Э.», «А. Эр.», «Р. К.», и потому многие годы ее имя было мало известно широкой публике. А между тем написанная ею книжка-картинка «Бабушка-Забавушка и собачка Бум» (1906) выдержала много изданий и пользовалась успехом у маленького читателя. Перу Кудашевой принадлежат также популярные сказки «Беда Петушка» (1915) и «Санки-самокатки» (1910).

После революции произведения Кудашевой не печатались вплоть до предвоенных лет. Ее вспомнили только в связи с песенкой «В лесу родилась Елочка...»: в выпущенном в 1941 году сборнике песенка, наконец, была напечатана с указанием имени ее настоящего автора. К этому времени она уже воспринималась едва ли не как народная. Сама же писательница долгое время не знала о том, что написанные ею стихи стали популярной песенкой. Согласно бытующей легенде, «однажды она ехала в поезде, и ее две соседки по купе, две пожилые женщины, попросили свою внучку что-нибудь спеть. Девочка запела. И только тогда Кудашева услышала свою «Елочку».

В 1958 году после долгого перерыва вышла книжка стихотворений Р.А. Кудашевой «В лесу родилась Елочка». Тогда же, накануне 80-летнего юбилея писательницы, с ней встретился корреспондент журнала «Огонек», который описал свои впечатления: «С белоснежными волосами, с приветливой улыбкой, в очках, сквозь которые смотрят живые глаза, она похожа на добрую бабушку из сказки». Несмотря на свой преклонный возраст, Раиса Адамовна все еще занималась литературой: писала повесть о мальчике, действие которой происходит в период Великой Отечественной войны. Во время этой встречи она передала для «Огонька» одно из своих последних стихотворений – и тоже про елку:

*Опять ты зажглась, новогодняя елка,
Опять ребятшек в кружок собрала,
И звезды сверкают в душистых иголках
И песенка наша опять весела,
Нет лучше подарка, желанней и краше!
Тобой, долгожданной, любимы мы,*

*Красавица елка, любимица наша,
Зеленое дерево белой зимы.*

После того как в конце 1935 года елка была разрешена, появилось множество новых песен о елке. Однако ни одна из новосозданных песен не затмила «Елочку» Кудашевой. Хором пели ее крестьянские дети предвоенных лет; ее неизменно включали в сборники-рекомендации по проведению елок; о ней писали как о песне, которую «многие взрослые помнят с детства» и т. д.

«Елочка» Р.А. Кудашевой – не просто самое известное произведение про елку: она превратилась в явление, без которого наша жизнь кажется невымыслимой. По словам П.А. Клубкова, «Елочка» Кудашевой стала фактом биографии каждого из нас». Эта песенка в значительной мере способствовала тому, что у ребенка с самого раннего возраста, со своей первой елки, возникает теплое отношение к этому дереву. «Елочка» включила в себя все основные образы «елочной мифологии», создававшейся на протяжении предшествующей истории елки в России: здесь и лес, в котором она родилась, и Метель, поющая песенку, и Мороз, укутывающий ее снежком, и старичок, везущий ее из лесу на детский праздник. И, наконец, – радующиеся елочке детишки.

Более чем за 150 лет жизни елки в России были созданы сотни стихотворений, в которых она является главным предметом изображения. Среди них «Елочка» Раисы Адамовны Кудашевой оказалась вне конкуренции.

СЦЕНАРИЙ НОВОГОДНЕГО ПРАЗДНИКА

Сказка о Деде Морозе-волшебнике, о внучке его Снегурочке и о превращениях, случившихся с Иваном-дураком под елкой в новогоднюю ночь.

Вступление.

Задолго до начала спектакля, создавая настроение, звучат ремиксы на темы: «В лесу родилась елочка», «Маленькой елочке холодно зимой» и т. п. Стулья в зрительном зале стоят на некотором расстоянии от сцены. Действие происходит на сцене и у сцены. Искусственные елки изображают лес. Кулисы украшены блестящими звездами и снежинками.

Ведущий:

Верьте аль не верьте,
А жил на этом свете
В лесу дремучем, темном,
Скрипучем, неуемном,
Весь бородой давно порос,
Волшебник добрый – Дед Мороз.

Сцена: письменный стол, обстановка дома Деда Мороза, тусклое освещение.

Дед Мороз: (*Поет на мотив песни «Полковнику никто не пишет».*)

Большие города
И села я прошел,
И людям выполнял
Заветные желанья.
Но в ящике с утра
Я писем не нашел –
Так что ж, пора менять
Совсем свое призванье.

Привев. А дедушке никто не пишет,
А дедушку никто не ждет.

Ведущий:

Сидит старик невесел,
Головушку повесил.
И есть ведь для кручины
Серьезные причины:
Люди дедушке не пишут,
Его горьких слов не слышат,
Негде Деду разгуляться,
В волшебстве поупражняться.
Есть одна ему награда:
И забота, и отрада –
Умница, не дурочка,
Внученька-Снегурочка!
Только с Дедом скучно ей.
Взрослой стать спешит скорей.

Снегурочка: (*Поет на мотив песни в исполнении Бритни Спирс*)

Зовут Снегуркой меня, в лесу живу
Я с дедом своим, Морозом седым,
Скучнее день ото дня в глуши лесной.
Хоть рыцарь какой заехал бы сюда за мной,
Вот и был бы он любимый мой
О, где же (2 раза)
Ты, мой добрый герой?

Скорее за мной (2 раза)
Ты приезжай!
Нет тут жить больше сил.
И если просил судьбу ты:
Попроси найти меня!
Хочу я к людям уйти,
Но вот дед мой следит все за мной,
Занес он снегом пути.
Он писем ждет от людей,
Желанья их исполнить он рад,
Отослать им по мешку наград!
Может быть, потом отблагодарят!

О люди! (2 раза)
Где ты, мой добрый герой?
Скорее за мной (2 раза)
Ты приезжай!
Нет тут жить больше сил.
И если просил ты Бога:
Проси его спасти меня!
Меня! Меня! Меня! Меня!

Ведущий:

Скучно девице у деда –
Надо внучку веселить!
Что ли молодца-соседа
В гости в праздник пригласить?
Правда, молодец – так-сяк,
А зовут – Иван-дурак!
Ну так что ж, другого ж нет!
Самобранка, грей обед!
И пошел Мороз искать
Ваньку, чтобы в гости звать
Ванька ж тот в лесу глухом
С утра бродит с топором –
Елку он найти не может.
Праздник скоро, сердце гложет!
Глядь, стоит среди опушки
Елка – праздника подружка,

Хороша-то до чего!
Да и молвит вон чего:

Елка: *(Поет на мотив песни «Во поле береза...»)*

На опушке елка, я, стояла,
Долго я зеленая стояла,
Все росла я, да росла я,
К солнцу все тянулася, стояла.
Некому меня было срубить,
Некому меня заломати,
Некому гирляндой нарядити,
Некому огнями зажигати.
Ах, сруби, Иван, меня ты, елку.
С того тебе будет много толку:
В чьем доме найдешь для меня место,
Там и будет жить твоя невеста.

(Проигрывает)

Ведущий:

Вот тебе, Иван, задача.
Правду молвит, не иначе!
Ах, и хороша та елка,
Вся стройна, к иголочке иголка.

Иван-дурак: *(Поет на мотив песни «Орбит без сахара»)*

Долго я, в лесу блуждая,
Елку, наконец, нашел!
Вот она, краса какая,
Где найдешь такую ишо?
И рубить-то вроде жалко,
И без елки не уйдешь.
А другие просто палки,
Где ж хорошую найдешь?

Привет. Что она мне сказала-то,
С каким-таким местом связала-то,
Где ж поставить ее-то мне,
Чтоб невесту увидеть хотя б во сне?

Вот загадку загадала,
Ни за что не разгадать,
И куда идти теперь мне,
Где то место отыскать?
Ничего не понимаю,
Ничего не разберу,
Ну зеленая, родная,
Я куда тебя беру?

Привет. Куда нести тебя, подскажи-ка мне,
И где то место – здесь или на Луне?
И кто она – моя невеста, моя душа?
Умна иль нет, дурна иль хороша?

(Проигрывает).

Ведущий:

И срубил Ивашка елку,
Не сронив с нее иголки.
Только где же это место,
Где живет его невеста?
Вдруг шаги слышны! Вопрос –
Кто идет к нему? Мороз!

Дед Мороз: *(Поет на мотив песни «СТЭН» Эминем)*

Я долго к тебе шел, чтоб тебя попросить,
Чтоб только в гости тебя пригласить.
Мы ждем тебя: я и внучка моя,
Пока это вся наша семья.
Грустит Снегурочка день ото дня,
И это очень заботит меня.
Бери свою елку – и к нам пошли,
Как можешь Снегурочку развесели.
Ну, выручай же, Ваня, дружок,
Ты ж все равно в Новый год одинок.
Дела свои брось, потом сделаешь их,
А вдруг ты Снегурочки нашей жених.
Такой сказки нет, такого мир не видал,
Чтоб дед дураку свою внучку отдал.
Ну, соглашайся же...

Ведущий:

Размечтался Дед Мороз,
Взор на небо перенес...
Глянь-ка, сверху да сквозь лес
Звезды падают с небес,
И танцуют, и кружатся,
Серебрятся и искрятся...

Танцевальная группа исполняет «Танец звезд»

Ведущий:

Снег на улице скрипит,
В окно девушка глядит.
Видит, дедушка идет,
Молодца с собой ведет.
Что-то парень неказист,
Не танкист и не юрист.
В общем, молодец – так-сяк,
Ну, дурак и есть дурак!
Он глаза поднял в окно,
Понял: чудо – вот оно!
Вот какое в мире место,
Где живет его невеста!
Но она ему не рада –
Дурака-то ей не надо!

Дуэт Ивана-дурака и Снегурочки (на мотив песни «Какой ты... танкист»).

Иван: *(обращаясь к Морозу).*

Я ее полюбил за большие глаза,
У нее нежный стан и золотая коса.
Но она говорит, что ей нужен другой,
Умный и красотой совсем-совсем не такой!

Снегурочка: *(Морозу).*

Да у него же лапти на ногах,
А руки – посмотри только на них!
Его лицо – да это просто страх,
Какой он, деда, жених?!

Иван:

Я ее полюбил, елку ей я принес.
И зачем сюда шел, – вот хороший вопрос!
А она говорит, что ей нужен другой.
Раскрасавец на вид, но я совсем не такой!

Снегурочка:

Да у него же волосы торчком.
А деньги – видел ли он их?
Да у него и нос-то пяточком,
Какой он, деда, жених?!

Ведущий: *(делает круг, но со сцены не уходит).*

Елка во дворе лежит,
Ванька с плачем в лес бежит.
И Снегурка опечалилась,
Праздник встретить-то отчаялась.
Разве сможет кто-то смочь
Горю снежному помочь?
Только волшебство поможет,
Ваньку чарами пригожит.
Ведь волшебник старый Дед...
Ванька будет, спору нет,
Раскрасавцем, молодцом,
Первым в бизнесе лицом!

Звучит музыка («Рамштайн»). Сцена волшебства. Дед Мороз «колдует», превращает Ваньку в уважаемого молодого мужчину (артист меняется на другого, выше ростом, прилично одетого). Но вдруг появляется Баба Яга, мелькает на сцене и прячет Снегурочку.

Баба Яга: *(Поет на мотив «А нам все равно!»)*

В темно синем лесу я Снегурку запрячу,
И запру-затворю я дубовую дверь.
И не жаль мне ее, пусть она там заплачет,
Притворюсь сама девицей. Вот как! А теперь...

Привет: Пойду посмотрю, как раз к алтарю,
Ванька будет мой, он теперь другой.
Был он неказист,
А щас как артист,
Умный, деловой и хорош собой!
(Уходит, пританцовывая).

Ведущий:

Что за Ванька, высший класс:
Не отводят девки глаз.
В голове ума палата,
А в карманах звон от злата.
Вот бы, кажется, и все...
Только где же внучка деда?
Нет ни елки, ни обеда!
Нет в лесу страшной врага,
Чем проказница Яга!
Бабка девкой притворилась,
У окошка притулилась.

Баба Яга: *(Поет на мотив песни «За пивом».)*

И что я за девица – не оторвать
От меня замороженных глаз.
Я бабкой была, но теперь не бывать
Тому, что бывало не раз –
Волшебник меня тоже спас.

Привет. Волшебством, волшебством, волшебством-тра-ля,
Тра-ля-ля-ля,
Решил все дела волшебством (2 раза)
А волосы - шик, посмотрите на них,
А глазки – так полный восторг,
А с Ваньки того, что Снегуркин жених,
Посмотрим, какой будет толк! (2 раза)

Привет. Волшебством, волшебством, Мороз-чудак,
Не знаю как,
Решил все дела волшебством. (2 раза)
Невеста я – класс!

Посмотри на меня:
Умна, хороша, весела.
Спасет он и вас от тяжелого дня
Вот так, вот такие дела!

Привев. Волшебством, волшебством, волшебством-тра-ля
Тра-ля-ля-ля,
Решил все дела волшебством. (2 раза)
Ведущий
Ванька больше не дурак,
Над собой не терпит врак.
Чует Ванька – все не просто!
Все неправильно, не так!

Ванька:

Ну-ка, бабушка, не дури,
Где Снегурка, говори!
Заточила, чай, в избушке?
Не молчи, в глаза смотри!
Не шути со мной, Яга,
Наживешь себе врага!
Подавай мою невесту,
Не сходя со своего места!

Баба Яга нехотя колдует под шум ветра. Снегурочка выходит на сцену, все герои, подтанцовывая, выходят на сцену.

Все: (Разобрать по строчкам.)

Вот и кончилась сказка,
Мы хотели сказать,
Чтобы с жизнью сюжет
Вы умели связать.
Дураком быть тяжелей.
С красотой или ростом
Ты не станешь умней.
Звон монет не заменит
Благородства души.
Разгляди человека –
Изменить не спеши!
Так и в жизни бывает

Из года в год, из века в век,
Красота процветает,
Но не злой человек!
Красота от поступков,
Красота от души –
Вот что в жизни ведь важно!
Присмотрись, не спеши!
Новый год на пороге,
Жизнь идет чередом,
Счастье с этой дороги
Пусть приходит в ваш дом!

ЛИТЕРАТУРА

ДЕД МОРОЗ

Анисонян, М. Новогодний дед / М. Анисонян // Природа и человек (Свет). – 2005. – № 1. – С. 70–71.

Бегичева, В. Дед Мороз / В. Бегичева // Наука и религия. – 2007. – № 1. – С. 24–26.

Генрих, А. Дед Мороз, Вам письмо. Детские пожелания в письмах Деду Морозу / А. Генрих // Смена. – 2011. – № 1. – С. 6–7.

Где живет Дед Мороз // Наш Филиппок.. – 2012. – № 3. – С. 2–3.

Дед Мороз – профессия хлопотная // Самовар. – 2003. – № 52. – С. 19.

Дедоморозография. Карта новогоднего мира // География : прил. к газ. «Первое сент.». – 2008. – № 1. – С. 4–5.

Душечкина, Е. В. Русская елка: История, мифология литературы / Е. В. Душечкина. – СПб.: Норинт, 2002. – С. 345–370.

Кто к нам едет в Новый год // Природа и СВЕТ. – 2011. – № 12. – С. 5–7.

Кто подарки нам принес? // Знание-сила. – 2004. – № 12. – С. 18–19.

Откуда они появились? Дед Мороз и Снегурочка // Вост. курьер. – 2008. – Дек. – С. 6–7.

Филонов, М. Во многих лицах, но один! / М. Филонов // Природа и СВЕТ. – 2011. – № 12. – С. 3–8.

Филонов, М. Небываемое бывает. Новогоднее / М. Филонов // Природа и СВЕТ. – 2012. – № 1. – С. 72–75.

Чаурина, Р. Новогодний алфавит. По странам и континентам / Р. Чаурина // Библиотека в шк. : прил. к газ. «Первое сент.». – 2002. – № 22. – С. 2–5.

Юрьева, Н. Пост принят / Н. Юрьева // Крестьянка. – 2010. – № 12. – С. 36–37.

СНЕГУРОЧКА

Бегичева, В. Снегурочка / В. Бегичева // Наука и религия. – 2008. – № 1. – С. 20–23.

Бегичева, В. Снегурочка / В. Бегичева // Природа. Свет. Человек. – 2010. – № 12. – С. 38–43.

Откуда они появились? Дед Мороз и Снегурочка // Вост. курьер. – 2008. – Дек. – С. 6–7.

Чаурина, Р. Новогодний алфавит. По странам и континентам / Р. Чаурина // Библиотека в shk. : прил. к газ. «Первое сент.». – 2002. – № 22. – С. 2–5.

ЕЛКА

Агапкина, Т. А. Ель / Т. А. Агапкина // Живая старина. – 1997. – № 1. – С. 14–15.

Анисонян, М. Гостя из леса / М. Анисонян // Природа и человек (Свет). – 2005. – № 1. – С. 33.

Борисова, Н. В лесу родилась елочка А потом стала главной героиней новогодних и рождественских праздников / Н. Борисова // Благовещенск. – 2009. – Янв. (№ 1/2). – С. 28.

Горяшко, А. Новогодняя елка в России : из истории появления елки в России / А. Горяшко // Биология : прил. к газ. «Первое сент.». – 2004. – № 1. – С. 2–5.

Добрянская, А. Сирота-невеста / А. Добрянская // Смена. – 2010. – № 12. – С. 12–15.

Душечкина, Е. А. Три века русской елки / Е. А. Душечкина // Наука и жизнь. – 2007. – № 12. – С. 72–79 ; 2008. – № 1. – С. 110–116.

Душечкина, Е. В. Русская елка: История, мифология литература / Е. В. Душечкина. – СПб.: Норинт, 2002. – 416 с.

Когда игрушки были живым // Наука и религия. – 2011. – № 1. – С. 36–39.

Пищикова, Е. Елки зеленые / Е. Пищикова // Крестьянка. – 2010. – № 12. – С. 26–27.

Наряжаем праздничную елку // Вост. курьер. – 2008. – Дек. – С. 8–9.

Руденко, Б. Елкины игрушки / Б. Руденко // Наука и жизнь. – 2011. – № 12. – С. 107–111.

Трофимова, Я. Магия новогодней елки / Я. Трофимова // Самовар. – 2002. – 26 дек. – С. 23.

Чаурина, Р. Новогодний алфавит. По странам и континентам / Р. Чаурина // Библиотека в shk. : прил. к газ. «Первое сент.». – 2002. – № 22. – С. 2–5.

Шишкина, Г. Новый год с елкой... персиком и бананом / Г. Шишкина // Искусство : прил. к газ. «Первое сент.». – 1999. – № 1. – С. 16.

ГЛАВНАЯ ПЕСНЯ О ЕЛКЕ
(«В ЛЕСУ РОДИЛАСЬ ЕЛОЧКА...»)

Анисенков, А. Когда в лесу родилась елочка? / А. Анисенков // Природа. Свет. Человек. – 2010. – № 12. – С. 71.

В лесу родилась елочка... // Знание-сила. – 2004. – № 12. – С. 6–7.

Григорьева, Е. «В лесу родилась елочка...» / Е. Григорьева, И. Ракша // Дет. лит. – 1998. – № 1. – С. 31–32.

Кузнецова, М. В лесу родилась елочка / М. Кузнецова // Лит. Россия. – 2010. – № 52. – С. 16.

Кузьменко, Т. Откуда эта «Елочка»? : история новогодней песенки / Т. Кузьменко // Работница. – 1996. – № 12. – С. 7.

Чаурина, Р. Мы вновь услышим песенку. К 100-летию стихотворения «В лесу родилась елочка...» (1903–2003) / Р. Чаурина // Библиотека в shk. : прил. к газ. «Первое сент.». – 2002. – № 22. – С. 27–28.

Чаурина, Р. Новогодний алфавит. По странам и континентам / Р. Чаурина // Библиотека в shk. : прил. к газ. «Первое сент.». – 2002. – № 22. – С. 2–5.

Шарапов, О. Ю. Поэт Раиса Адамовна Кудашева (1878–1964) / О. Ю. Шарапов // Нач. shk. – 1998. – № 9. – С. 9–10.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	3
Дед Мороз.....	4
Снегурочка.....	14
Елка.....	18
Главная песня о елке («В лесу родилась елочка...»)	31
Сценарий новогоднего праздника.....	36
Литература.....	46

